

Константин ЭЙГЕС

Статья из авторского сборника "СТАТЬИ ПО ФИЛОСОФИИ МУЗЫКИ"
Москва 1912г. Товарищество типографии А.И. Мамонтова.

Музыка, какъ одно изъ высшихъ мистическихъ переживаній. *)

Посвящается Адольфу Адольфовичу Ярошевскому.

I.

Слово „мистика“ въ современной литературѣ имѣетъ большею частью значеніе порицательное. Мистикъ—какъ принято думать—это человѣкъ, во-первыхъ, недостаточно просвѣщенный въ научномъ отношеніи, и, во-вторыхъ, человѣкъ больной, съ мыслями котораго вообще не слѣдуетъ серьезно считаться человѣку просвѣщенному и здоровому.

Однако, за самое послѣднее время къ мистическимъ переживаніямъ встрѣчается и иное отношеніе. Уже Владиміръ Соловьевъ относился къ мистикѣ вполне серьезно и опредѣлялъ ее двояко: во-1-ныхъ (практическая мистика)—какъ дѣйствительное общеніе человѣческаго духа со сверхъестественнымъ, съ какими-то таинственными и свободными отъ времени, мѣста и закона причинности силами (колдовство, магія и пр.) и во-2-хъ—какъ мистическую философію, — усматривающую сверхъестественное вмѣшательство нечеловѣческаго духа въ явленія природы и въ историче-

*) „Золотое Руно“, 1907, июнь.

скія событія, или какъ высшее „мистическое знаніе вещей божественныхъ“, непосредственное постиженіе истины, Божества.

Если подъ мистикой разумѣть всякое дѣйствительное общеніе человѣческаго духа съ бытіемъ трансцендентнымъ, сверхъфеноменальнымъ, то, кромѣ религиозной мистики, несомнѣнную мистику (гораздо болѣе несомнѣнную, чѣмъ колдовство или магія) надо будетъ усмотрѣть въ *искусствѣ*, во вдохновеніи художника.

Но кромѣ такихъ высшихъ мистическихъ (религиозныхъ и художественныхъ) переживаній, до которыхъ человѣческая душа рѣдко поднимается отъ своего средняго, разсудочнаго состоянія, существуетъ другая тоже несомнѣнная мистика, *низшая мистика*, до которой душа человѣка иногда падаетъ, совершая противоположное отклоненіе отъ своего обычнаго нормальнаго состоянія. Эта низшая мистика есть мистика *хаоса*, проявляющаяся какъ опьяненіе, бредъ, переживанія ужаса (мистич. ужасъ) и пр.

Слѣдуетъ отдѣльно поставить мистику половую, такъ какъ она можетъ проявляться и какъ высшая мистика и какъ низшая.

Изъ этого сопоставленія различныхъ мистическихъ переживаній видно, что высшая мистика—творческая; низшая есть мистика разрушенія. Половая мистика и здѣсь соединяетъ оба полюса, т.-е. можетъ быть какъ творческой, такъ и разрушительной.

Всякое мистическое переживаніе ирраціонально. При этомъ высшія формы мистики недоступны

разсудочному учету, такъ какъ онѣ *выше разсудка* (религиозное откровеніе или вдохновеніе творческое). Низшія мистическія переживанія—состоянія, при которыхъ разсудокъ потерялъ власть надъ низшими началами. Эти переживанія—*ниже разсудка*.

Оцѣнка „выше“ и „ниже“ сама по себѣ ирраціональна, такъ какъ производится помимо участія разсудка, на основаніи этического чутья, непосредственно присущей человѣческой душѣ способности оцѣнивать свои переживанія „выше“ или „ниже“.

Возможность для одной и той же души какъ обычныхъ нормально-жизненныхъ переживаній, такъ и высшихъ и низшихъ мистическихъ состояній находится, конечно, въ связи съ тѣмъ, что тотъ феноменальный міръ, въ которомъ мы обыкновенно живемъ и дѣйствуемъ, не есть единственно возможное бытіе, и что до этого оформленнаго и законо-сообразнаго міра существовало другое хаотичное бытіе, иногда нами смутно вспоминаемое, и что кромѣ этого бытія можно мыслить себѣ еще иное, высшее бытіе, къ которому мы иногда стремимся душой во время высшихъ мистическихъ переживаній.

II.

Изъ потребности познать весь тотъ феноменальный міръ, въ которомъ живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ, находясь на землѣ въ среднемъ, разсудочномъ состояніи, родилась *наука*, которая для

этой цѣли перерабатываетъ все многообразіе вещей и явленій своими понятіями и умозаключеніями (ср. Риккертъ). Относясь такимъ образомъ къ вещамъ и явленіямъ, наука обращаетъ весь феноменальный міръ въ *объектъ* познанія, при чемъ остающійся субъектъ познанія, познающее „я“, лишнее всякаго феноменального бытія, наукой игнорируется.

Философія познанія не игнорируетъ это гнозетологическое „я“. Во всякомъ актѣ познанія она констатируетъ какъ объектъ познанія, такъ и познающее „я“, субъектъ познанія.

Однако, такое *научное* отношеніе къ феноменальному міру не есть единственно возможное. Такъ, возможно, напр., относиться къ вещамъ и явленіямъ, имѣя при этомъ въ виду другое, сверхфеноменальное бытіе. Въ результатъ такого отношенія, различающаго границу феноменального и трансцендентнаго бытія, получилась критическая философія, изслѣдовавшая апріорныя формы научнаго (феноменального) познанія и установившая ему законныя границы (Кантъ).

Но возможно къ феноменальному міру и совершенно иное, вовсе и не *познавательное* отношеніе.

Изобразительныя *искусства* являютъ собою примѣръ такого иного, а именно *созерцательнаго*, отношенія къ вещамъ и явленіямъ. При этомъ созерцающее „я“, какъ раньше познающее или гнозетологическое „я“, находится внѣ феноменальной дѣйствительности. Въ сознаніи здѣсь, кромѣ предмета созерцанія (вещей и явленій), можно уловить чувство касанія другого, сверхфеноменального бы-

тія (*красоты*), почему такое созерцаніе носитъ характеръ мистическаго переживанія. Міръ вещей и явленій, вся созерцаемая часть феноменальной дѣйствительности, превращается при этомъ въ *сонъ* *). Созерцающее „я“ при созерцаніи само не созерцается, но философія созерцанія констатируетъ здѣсь наличность какъ созерцающаго „я“, такъ и созерцаемаго „не-я“ (Шопенгауэръ).

Здѣсь умѣстно пока сдѣлать слѣдующій выводъ.

Такъ какъ *искусство* (изобразительное) и *наука* суть два совершенно различныхъ способа отношенія къ феноменальному міру—цѣль всякой науки—истина—переработка всего многообразія вещей и явленій посредствомъ понятій и умозаключеній, цѣль же искусства (изобразительнаго)—постиженіе красоты, т.-е. сверхфеноменального бытія, черезъ созерцаніе образовъ вещей и явленій,—то было бы нелѣпо допустить, чтобы какая бы то ни было наука **) (естественная) могла включить искусство въ объектъ своего изученія или же, наоборотъ, чтобы какое-либо искусство могло имѣть предметомъ своего художественнаго созерцанія науку.

*) Смотри объ этомъ ст. „Музыка и эстетика“.

**) Здѣсь, какъ и вездѣ дальше, подъ словомъ *наука* разумѣется только *естественная наука*. Для тѣхъ, кто дѣлитъ науки на *естественныя и историческія* (какъ Риккертъ), должно быть ясно, что тутъ рѣчь идетъ не объ исторіи какого-либо искусства, а именно о наукахъ, старающихся понять *природу искусства вообще* (т.-е. понять искусство, какъ часть природы) или *объяснить* данное произведеніе искусства *естественно-научно*—механически, физически или психологически.

Поэтому, какъ въ художественныхъ произведеніяхъ (напр., въ драмѣ или романѣ) ~~врядъ ли художе-~~ *Solo de*
~~ственно~~ заставлятъ изображаемыхъ въ нихъ лицъ *искусствъ*
 вести научные споры, такъ и въ естественно-научныхъ
 работахъ вовсе не слѣдовало бы касаться вопросовъ
 искусства вообще или опредѣленныхъ произведеній
 искусства въ частности.

III.

До сихъ поръ имѣлись въ виду только искусства изобразительныя. Но еще большую смѣлость и грѣхъ беретъ на себя наука, когда рѣшается изслѣдовать и научно объяснять *музыку*, — это искусство, вовсе не имѣющее отношеніе къ вещамъ или явленіямъ.

Въ статьѣ „Основная антиномія музыкальной эстетики показано, что бытіе музыки не есть физическое бытіе (какъ тѣла или явленія) и въ то же время она не есть просто психологическое состояніе. Музыка сверхъэмпирична. Она соединяетъ въ себѣ „субъектъ и объектъ“, „я“ и „не-я“, представленіе и волю. Въ онтологическомъ отношеніи музыка есть *воля къ звукамъ*. Этого, казалось бы, достаточно, чтобы считать музыку внѣ всякихъ посягательствъ научнаго объясненія. Здѣсь же присоединяется новый моментъ, говорящій противъ естественно-научнаго трактованія музыки, — *ея эстетическая цѣнность*.

Какъ и всякое искусство, музыка есть достиженіе *прекраснаго*; но въ то время, какъ изобразительныя искусства достигаютъ этого черезъ *созер-*

чаніе вещей и явленій, музыка достигаетъ красоты и величія безъ созерцанія дѣйствительности, минуя вещи и явленія, непосредственно черезъ *волю* (къ звукамъ).

Игнорируя самое существенное въ музыкѣ — музыкальную красоту, — всѣ научныя изслѣдованія ея (какъ физическія, такъ и психологическія) не имѣютъ вовсе значенія для музыкальной эстетики *).

Имѣя теперь въ виду отношеніе естественныхъ наукъ ко всякому искусству, какъ изобразительному, такъ и совершенно отвлеченному, какъ

* Я не стану здѣсь останавливаться на отдѣльныхъ примѣрахъ такого-естественно-научнаго отношенія къ музыкѣ. Таковы, напр., старанія нѣмецкихъ ученыхъ (Махъ, Штумпфъ) во что бы то ни стало объяснить научно „явленія“ консонанса и диссонанса — старанія, заранѣе обреченныя на неудачу. Основная ошибка здѣсь та, что къ понятію консонанса здѣсь вовсе не слѣдуетъ примѣняться методъ естественно-научный. Консонансъ и диссонансъ — не явленіе (физическое или психическое), а эстетическая оцѣнка (музыкальная) интервала. Поэтому сами эти понятія (консонанса и диссонанса) не суть вовсе естественно-научныя понятія.

Извѣстный теоретикъ музыки и педагогъ Гуго Риманъ убѣдился въ несостоятельности объясненій многихъ „музыкальныхъ явленій“, предложенныхъ со стороны математики, физики и физиологіи (напр., относительно минорнаго аккорда, консонанса и диссонанса и пр.). Однако, онъ дѣлаетъ исключеніе для психологической школы и не потерялъ вѣры въ пригодность вообще естественно научнаго метода въ примѣненіи къ музыкѣ „Музыкальные ученые“, „музыкальная наука“ и „научное обоснованіе теории музыки“ внушаютъ ему уваженіе. Можно съ увѣренностью сказать, что такое довѣріе Римана къ психологической школѣ лишь временно. Рано или поздно придется убѣдиться въ томъ, что музыка

музыка, надо сдѣлать еще слѣдующее дополненіе къ уже сказанному.

Законная область всякаго естественно-научнаго изслѣдованія и пониманія—это *природа* въ обширномъ смыслѣ слова (т.-е. какъ физическая природа, такъ и психическая), или эмпирическая дѣйствительность. Всей природѣ въ цѣломъ, какъ продукту божественному, можно противопоставить *искусство*, какъ продуктъ человѣческаго гения.

Изслѣдуя и объясняя посредствомъ научныхъ понятій и умозаключеній природу, наука имѣетъ въ виду только продуктъ или результатъ творчества (не человѣческаго), самъ же процессъ творчества, актъ міросозиданія, игнорируется, какъ слишкомъ далекій, высокій и недоступный для научнаго пониманія. Поэтому весьма естественнымъ является для научнаго трактованія природы тонъ спокойнаго, каузальнаго изложенія.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ искусствомъ.

Подъ словомъ искусство разумѣется не только уже готовый продуктъ или результатъ творчества, но также самый процессъ художественнаго творчества, само художественное вдохновеніе, которое, несмотря на всю его стыдливость, нельзя игнорировать, разъ рѣчь идетъ о сущности искусства, такъ какъ оно есть основа и источникъ всякаго

можетъ допустить къ себѣ только одно отношеніе—эстетическое, и что теорія музыки, какъ нормативная или педагогическая дисциплина, не можетъ опираться на данныя естественныхъ наукъ (хотя бы психологін) и основывается только на художественномъ опытѣ—на практикѣ прошлыхъ поколѣній музыкантовъ.

искусства. Это особенно ясно по отношенію къ музыкѣ, такъ какъ здѣсь произведенія, результаты творчества, онтологически вполне совпадаютъ съ процессомъ творчества; въ каждомъ готовомъ музыкальномъ произведеніи еще вполне живеть процессъ вдохновенія, каждая опредѣленная музыка—это живой порывъ къ высшему бытію, сама *воля къ звукамъ*. Поэтому говорить объ искусствѣ вообще, объ опредѣленныхъ произведеніяхъ искусства въ частности, и о музыкальныхъ произведеніяхъ въ особенности, въ спокойномъ тонѣ *естественно-научнаго*, каузальнаго изслѣдованія—не только нелѣпо и бесполезно, какъ это уже было высказано выше, но, кромѣ того, и пошло. Научное, безстрастное отношеніе къ искусству, игнорирующее въ немъ самое главное—красоту и вдохновенность—и тѣмъ стремящееся низвести его до пониманія посредственности, есть отношеніе вульгарное.

IV.

Но кромѣ такого, научнаго познанія, имѣющаго дѣло съ вещами и явленіями природы, существуетъ другое, философское познаніе, которое не только касается другого, сверхъ-эмпирическаго бытія, но даже различаетъ въ немъ свою собственную высшую цѣнность (истину) отъ другихъ со-сѣднихъ цѣнностей—искусства или морали.

Идеальная или полная философія, которая могла бы получиться въ результатъ познанія *міра въ его цѣломъ*, которая имѣла бы въ виду не только

эмпирически данную действительность, но и всякое сверхэмпирическое бытіе, должна основываться на предварительномъ опытѣ многообразныхъ переживаній—какъ обычно жизненныхъ и научно-познавательныхъ, такъ и художественныхъ, религиозныхъ, высшихъ и низшихъ мистическихъ переживаній. Такъ, если какая-нибудь человѣческая душа въ теченіе одного дня испытала самыя различныя состоянія—отъ обычныхъ среднихъ, связанныхъ съ существованіемъ въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ опредѣленныхъ вещей и явленій внѣшняго міра, и до самыхъ высшихъ мистическихъ моментовъ религіознаго откровенія или художественнаго вдохновенія,—то въ концѣ такого дня, такъ богатаго различными переживаніями, можетъ получиться философскій опытъ, итогъ, который въ познавательномъ отношеніи будетъ охватывать всѣ прочія переживанія дня и всякое бытіе, на какое они могутъ указывать.

Однако, это новое философское переживаніе (это отношеніе ко всему пережитому бытію) охватывая всѣ прочія въ познавательномъ отношеніи—по существу, вовсе не должно быть признано шире или выше другихъ переживаній—напр.: эстетическихъ или религіозныхъ, которыя ему предшествовали въ теченіе этого дня.

Если сравнить такую философію, какъ одно изъ высшихъ переживаній духа, съ какимъ-нибудь изъ другихъ высшихъ мистическихъ переживаній, напр., съ музыкой, то окажется, что послѣдняя вовсе не составитъ частнаго случая философскихъ

переживаній. Правда, философія, относясь познавательно къ міру въ цѣломъ, охватываетъ въ своемъ познаніи и искусство вообще, и музыку въ частности; но, съ другой стороны, и музыка, какъ одно изъ искусствъ, есть частный случай эстетическаго отношенія къ міру въ цѣломъ. Философія стремится познать міръ, т.-е. стремится къ истинѣ, музыка (какъ и другія искусства) стремится его воспринять эстетически, т.-е. достигнуть красоты (черезъ звуки). Представляя собою два совершенно различныхъ способа отношенія къ міру, философія и музыка не могутъ имѣть взаимодѣйствія.

Не переступая своей области (познанія), философія,—хотя она и можетъ, основываясь на другихъ переживаніяхъ, устанавливать рядомъ съ истинной бытіе другихъ цѣнностей, напр., красоты,—не въ состояніи, однако, постичь эти другія цѣнности, какъ таковыя.

Наоборотъ, искусство, эстетически постигая красоту міра, не можетъ его понять, т.-е. не можетъ познать истины. Основываясь на собственныхъ музыкальныхъ переживаніяхъ, философъ можетъ понять музыку вообще, какъ стремленіе къ красотѣ черезъ волю къ звукамъ, однако каждое опредѣленное музыкальное произведеніе вовсе невозможно, да и не слѣдуетъ философски понимать, а возможно и должно только эстетически (музыкально) пережить и оцѣнить.

Философы, которые старались бы понять, „вскрыть“ философское „содержаніе“ какой-нибудь симфоніи или квартета Бетховена, стояли бы на

совершенно ложномъ пути, столь же мало понимаемая свои силы и задачи, сколь мало понимаютъ свое назначеніе композиторы (Р. Штраусъ и его подражатели) старающіеся во что бы то ни стало писать музыку на „философскія темы“, „выражать“ музыкой какія-нибудь высокія истины.

Философія музыки кончается тамъ, гдѣ она устанавливаетъ для всякой музыки вообще ея сверхъфеноменальную сущность, какъ выраженное въ звукахъ стремленіе къ сверхчувственной красотѣ, исходящее отъ одного чувствующаго и хотящаго „я“ (автора), но имѣющее и обнаруживающее свое сверхиндивидуальное бытіе. Сужденія же о всякой данной опредѣленной музыкѣ могутъ быть только сужденіями вкуса, основывающагося исключительно на специально-музыкальномъ дарованіи и воспитаніи и вовсе не зависящаго отъ какого бы то ни было (хотя бы философскаго) знанія.

Относительно переживаній сверхиндивидуальныхъ, а также объ отношеніи между музыкальнымъ *воспитаніемъ* и музыкальнымъ *творчествомъ*, какъ высшей мистической дѣятельностью, рѣчь будетъ въ одной изъ дальнѣйшихъ статей.
